1-й экз.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЦЕНТРАРХИВ СССР и РСФСР

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ТОМ ТРЕТИЙ
(СЕМЬДЕСЯТ ШЕСТОЙ)

1936

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1936

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Волнения в Харьковской губернии в годы империалистической войны. С предисловием *П. Билык* 3

Революционное казачество в борьбе с контрреволюцией. С предисловием *Г. Костомарова* 24

Документы о ходынской катастрофе 1896 г. С предисловием *А. Кобяко* 31

Рабочее движение на заводах Петербурга в мае 1901 г. С предисловием *М. Сыромятниковой* 49

К истории «Союза Якутов». С предисловием *М. Константинова* 67

Первые железные дороги в России. С предисловием *М. Крутикова* 83

К истории Бурятии в XVII в. С предисловием *С. Окунь* 156

Поиски драгоценных металлов на Севере в XVII—XVIII вв. (*окончание*) 192

Из записной книжки архивиста

«Шифр» Н. Г. Чернышевского. Сообщил *Н. Алексеев* 221

Запрещение царизмом чествования памяти Т. Шевченко. С предисловием *Н. Бельчикова* 226

К биографии П. Г. Зайчневского. С предисловием *А. Спировой* . 230

Рабочее движение на заводах Петербурга в мае 1901 г.

Публикуемые ниже документы относятся к одному из наиболее значительных периодов в истории революционного рабочего движения в России.

Бурный под'ем промышленности в России в 1892—1898 гг. к началу XX в. сменился глубоким кризисом, который к 1901 г. охватил почти все отрасли производства.

Углублявшийся экономический кризис повлек за собой безработицу и общее ухудшение положения рабочего класса и условий его борьбы.

В начале 90-х годов «рабочее движение переходит в открытую политическую борьбу...» [1]. Этот переход был подготовлен предшествующей стачечной борьбой и деятельностью революционной социал-демократии, от пропаганды в узких кружках перешедшей к широкой экономической и политической агитации. Ленинская «Искра» вела непримиримую борьбу с экономистами, стремившимися ограничить рабочее движение узкими рамками экономических требований.

За период с 1895 г. по 1900 г. по политическим и внеэкономическим причинам бастовало 3,8% общего числа стачечников, с 1901 г. по 1904 г.— 13,2%.

1901 год — начало больших демонстраций и открытых выступлений рабочих масс.

Особо обращают на себя внимание выступления петербургского пролетариата в мае 1901 г. Упорное сопротивление полиции и войскам со стороны рабочих Обуховского завода, оказанное 35 лет тому назад 7 мая, известно в истории рабочего революционного движения под именем «Обуховской обороны» [2].

Первые баррикадные бои пролетариата с войсками и полицией во время Обуховской обороны опровергли оппортунистическое положение о том, что уличная борьба против современного войска невозможна и безнадежна. «Уличная борьба возможна, безнадежно не положение борцов, а положение правительства, если ему придется иметь дело с населением не одного только завода. Рабочие при схватке 7-го мая не имели ничего, кроме камней,— и уж, конечно, не запрещение же градоначальника помешает им и в следующий раз запастись другим оружием» [3].

Майские выступления пролетариата в 1901 г. оказали влияние на последующий ход событий и сыграли большую роль в истории рабочего движения и в подготовке революции 1905 г.

Публикуемые документы являются некоторой иллюстрацией майских выступлений рабочих наиболее крупных петербургских заводов.

---

[1] Ленин, Соч., т. VIII, стр. 424.

[2] Ленин и «Искра» придавали огромное значение этому выступлению петербургского пролетариата. Ленин посвятил этому событию статьи: «Новое побоище», «Каторжные правила и каторжный приговор», напечатанные впервые в №№ 5 и 10 «Искры» за 1901 г. (Ленин, Соч., т. IV). В «Искре» помещены были две корреспонденции: в № 5 — июнь 1901 г. и № 6 — июль 1901 г. («Искра», изд. ЦК ВКП(б), вып. 1, стр. 103 и 118—119).

[3] Ленин, Соч., т. IV, стр. 117—118.

В 1901 году петербургская социал-демократическая организация усиленно готовилась к празднованию 1 мая, призывая рабочих на майскую демонстрацию 22 апреля.

Кроме упоминаемой во втором публикуемом документе листовки, в апреле 1901 г. выпущен был майский листок «Искры» за подписью: «Организация «Искры» [1]. Листок редакции «Искры» обнаружил тактические расхождения Ленина и Плеханова по вопросу об открытых уличных выступлениях. «На улицу звать рабочих не следует... По-моему, первого мая надо сидеть дома, а потом, неожиданно для правительства, в один из царских дней, сделать огромную манифестацию с тушением плошек и т. п.»,— писал Плеханов 19 апреля 1901 г. в письме мюнхенской части редакции «Искры» [2].

Однако искровская прокламация как на одну из форм выступления в день 1 мая указывала на демонстрацию. В случае неудачи демонстрации 1 мая рабочим предлагалось расстроить иллюминацию в царский день 6 мая.

В письме от 21 апреля 1901 г. Ленин писал Плеханову об этой листовке: «Листок «Искры» ведь довольно осторожен насчет прямого призыва — или Вы все же считате и это опасным» [3].

Кроме указанных первомайских листовок, Петербургский комитет РСДРП перед первым мая распространил две прокламации «К рабочим» и «К русскому обществу» с приглашением на демонстрацию в день 22 апреля, на Невском, в 12 часов дня [4].

Правительство напряженно готовилось к разгрому революционных выступлений в день 1 мая.

18 апреля в Петербурге был произведен «неслыханный полицейский разгром». «Число арестованных считают в 300, обысков произведено не то 600, не то 800. На одном Путиловском заводе взято 50 рабочих»,— сообщали из Петербурга в газету «Искра» [5].

Первомайская демонстрация 22 апреля не удалась, но это не помешало нарастанию революционной борьбы петербургского пролетариата.

После 1 мая движение охватило широкие слои пролетариата, перейдя в открытые уличные выступления, протекавшие под политическими лозунгами.

Публикуемый доклад П. Д. Святополк-Мирского «об итогах расследования о ходе и причинах беспорядков, происходивших на петербургских фабриках и заводах», рисует картину рабочего движения, начиная с 1 мая. Нужно помнить, что доклад этот написан командующим отдельного корпуса жандармов товарищем министра внутренних дел; степень достоверности сообщенных в нем фактов относительна. Например, количество убитых и раненых рабочих при столкновении с полицией и войсками у Обуховского завода в докладе преуменьшено: «убит 1 и ранено 8 человек», тогда как М. Розанов по сведениям, полученным от непосредственных участников этого собрания, сообщает следующее:

«Стало известно, что во время схватки убиты кроме Панко, Максимова и трех ребят еще рабочий Рожков и зарублен шашкой у своего дома 62-летний старик Христофоров; серьезно ранены Николай Осипов, чернорабочий чугунно-меднолитейной мастерской, чертежник Обуховского завода и девушка Серафима Сергеева. На перевязку пошло 18 человек.

Все эти случаи зарегистрированы амбулаторией. Кроме того много раненых, побоявшись ареста, не пошло к врачу» [6].

---

[1] См. «Красная летопись», 1925 г., № 2, стр. 166—167.

[2] См. III Ленинский сборник, стр. 157.

[3] Ленин, Соч., т. XXVIII, стр. 221.

[4] Последняя прокламация была напечатана в № 4 «Искры» — май 1901 г. («Искра», изд. Истпарта ЦК ВКП (б), вып. 1, стр. 91).

[5] Об этом напечатано было в № 4 «Искры», в статье «Первое мая в России» в отделе «Из партии» («Искра», изд. ЦК ВКП(б), вып. 1, стр. 90).

[6] М. Розанов, Обуховская оборона, «История пролетариата СССР», 1933 г., № 2, стр. 86.

Доклад констатирует также необыкновенное упорство рабочих в отстаивании своих требований. Стремясь доказать неосновательность требований рабочих, автор доклада однако не может пройти мимо некоторых сторон их тяжелого положения: необеспеченность в старости, произвол администрации, мастеров и их помощников, плохие жилищные условия и т. п.

Доклад представляет интерес в другом отношении: отмечает наличие революционной организации рабочих, которая руководила движением. Правда, жандармы пытаются ослабить и преуменьшить ее значение, давая озлобленную полицейскую характеристику молодых рабочих-революционеров как людей «некультурных» и «весьма ничтожных в умственном отношении».

Но даже жандармы были вынуждены признать, что рабочий-революционер по своему политическому развитию быстро обгонял рядовую рабочую массу и становился ее руководителем в борьбе против царизма.

И именно об'единение этих рабочих-революционеров, создание партии рабочего класса, по указанию Ленина, являлось главной и основной задачей революционной социал-демократии. «Без такой организации,— писал Ленин,— пролетариат не способен подняться до сознательной классовой борьбы, без такой организации рабочее движение осуждено на бессилие, и одними только кассами, кружками и обществами взаимопомощи рабочему классу никогда не удастся исполнить лежащую на нем великую историческую задачу: освободить себя и весь русский народ от его политического и экономического рабства» [1].

М. Сыромятникова.

Циркуляр директора департамента полиции начальникам губернских жандармских управлений, 4 апреля 1901 г., № 1122.[2]

По примеру последних лет, действующие в пределах империи революционные группы разных оттенков заняты в настоящее время усиленной агитацией с целью подстрекательства рабочих ознаменовать в текущем году день 1 мая нового стиля (18 сего апреля) массовыми стачками и забастовками, а в некоторых местностях также устройством уличных демонстраций и шествий по наиболее людным улицам с распущенными красными знаменами и пением революционных песен, причем предполагается пред'явить от имени рабочих требования не только экономического, но и политического свойства, как-то: свободы сходок, забастовок, сообществ, слова, печати и, наконец, замены самодержавного образа правления — конституционным.

Так как подобные попытки в предшествующие годы завершались в большинстве случаев неудачей, то агитаторы озабочены ныне принятием всевозможных мер к обеспечению на сей раз успешного осуществления их предприятия и притом в небывалых до сего размерах. С этой целью подготовляется масса воззваний, предназначенных к самому широкому распространению среди рабочих, учащейся молодежи и сочувствующих революционному движению интеллигентов, а для привлечения к манифестации возможно большего числа несознательных участников, в виде праздного люда и любопытствующей публики, предполагается перенести празднование с 18 апреля, приходящегося в будний день, на одно из ближайших воскресений, 22, 29 апреля или 6 мая. При этом на случай насильственных действий со стороны полиции и войск участники демонстрации предполагают запастись ножами, кастетами и палками с свинцовыми набалдашниками.

В виду изложенного департамент полиции, озабочиваясь предотвра-

[1] Ленин, Соч., т. IV, стр. 58.

[2] Печатаемые ниже документы хранятся в Центр. архиве революции и подготовлены к печати Е. В. Горелкиной.— ДП., о. о., 1898 г., д. № 4, ч. 22, л. 108.

щением всяких попыток к устройству беспорядков, просит вас, м. г., буде во вверенном вашему наблюдению районе имеются организованные кружки, занимающиеся пропагандой среди рабочих, принять немедленно меры к скорейшему определению их состава, обратив особое внимание на лиц, могущих по своему направлению и по прикосновенности к революционной агитации вообще выступить в данном случае в качестве зачинщиков, руководителей и подстрекателей. По надлежащем выяснении все такие лица должны быть обысканы, арестованы и привлечены при вверенном вам управлении к расследованию в порядке положения о государственной охране, причем желательно, в видах устранения возможности агитаторам вновь сорганизоваться, чтобы день ликвидации был приурочен возможно ближе к 18 апреля.

Равным образом, в виду полученных указаний, что многие серьезные революционные деятели из провинции намереваются ко дню 18 апреля отправиться в столицы, департамент просит усилить наблюдение на вокзалах и в случае от'езда в Петербург или Москву лиц, известных вам по своему революционному направлению, извещать о том по телеграфу департамент полиции и подлежащего начальника охранного отделения.

Директор Зволянский.

Донесение начальника Петербургского охранного отделения в департамент полиции от 15 апреля 1901 г., № 174[1].

Рабочий Владимир Сонин принес вечером 14 апреля в конспиративную квартиру по Шлиссельбургскому тракту образцы: 1) листка «Первое мая», издания Российской социал-демократической рабочей партии, 1901 г., отпечатанных на белом большом листе в типографии «Искры». Листок этот, начинающийся воззванием: «Долой царское самодержавие», призывает рабочих ознаменовать день 1 мая демонстрацией и пред'явить требования: «8-часового рабочего дня» и «политической свободы». В конце листка имеется заметка: «Этот листок составлен и издан от имени Российской социал-демократической рабочей партии С.-Петербургским, Одесским, Киевским, Николаевским и Харьковским комитетами партии и организациями «Южного рабочего» и «Искры»[2], 2) брошюры: «Майские дни в Харькове», типография «Искры», январь 1901 г.

По заявлению руководителей интеллигентов главный транспорт этих изданий будет доставлен для распространения во вторник, 17 апреля.

Полковник Пирамидов.

Доклад товарища министра внутренних дел П. Д. Святополк-Мирского Николаю Романову, 1901 г.[3].

Беспорядки на Никольской мануфактуре акционерного Общества «И. А. Воронин, Лютш и Чешер»

Среди рабочих Никольской мануфактуры, еще с половины апреля сего года, начались разговоры о необходимости какой-нибудь демонст-

[1] ДП, о. о., 1898 г., д. № 5,ч. 6, л. 69.

[2] Оригинал указанной листовки хранится в Архиве революции под инв. № 10410. Текст ее без указания на составителей и издание и без указанных лозунгов опубликован в «Летописи Революции», 1923 г., № 4, стр. 237—240. Листовка эта была принята на конференции нескольких южных комитетов в начале февраля 1901 г.

[3] ДП, VI, 1902 г., д. № 7-а, л. 135—152. Публикуемый доклад, отпечатанный в типографии без подписи и даты, сохранился в деле как приложение к по-

рации в день 1 мая. В ночь на это число 500 ночных рабочих без всякой причины оставили работу и заявили управляющему фабрикой требование: 1) восьмичасового рабочего дня, 2) прибавки 30% к существующим расценкам и 3) устройства школы и больницы. Администрация ответила категорическим отказом.

Около 4 часов утра должна была заступить дневная смена, но стачечники не допустили ее к работам, и фабрика остановилась, причем рабочие держались спокойно. Увещевания прибывшего фабричного инспектора не имели успеха, и толпа не расходилась. Около 10 часов утра прибыл наряд полиции в составе пятидесяти городовых и отделения конно-полицейской стражи. При появлении сего наряда в толпе послышались крики: «Оставайся на месте, не расходись, крепко стой за народ и свободу!». Тем не менее через некоторое время рабочие стали расходиться, не производя беспорядков.

Засим весь день 1 мая прошел довольно спокойно, но забастовщики к работам не приступали. На другой день несколько усиленный наряд полиции, с 5 часов утра, наблюдал за началом работ на фабрике Чешера и соседних с нею, причем на большинстве этих фабрик было заметно сильное брожение. Часть рабочих хотела присоединиться к стачечникам, другие же, несмотря на желание приступить к работе, не решались на это, из боязни репрессий со стороны забастовавших.

В виду такого положения и желая обеспечить свободу действий благоразумных рабочих, полицеймейстер IV отделения около 11 часов утра вызвал к Выборгской части эскадрон жандармского дивизиона, усилив наряд полиции частью конно-полицейской стражи и полицейским резервом.

Благодаря этому Самсониевская набережная была настолько обеспечена, что все пожелавшие стать на работу начали таковую в 2 часа дня. Недовольные же рабочие, оттесненные от Самсониевской набережной, кинулись в ближайшие переулки в районе своих квартир, где и засели в домах и за заборами, захватив с собой камни из мостовой, кирпичи с производящихся построек, а равно и разные металлические предметы, взятые с фабрик; самая же большая толпа двинулась на взвод жандармов и отделение конно-полицейской стражи. Местный пристав повел конные части навстречу, с целью рассеять скопище, но из-за заборов и окон ближайших домов посыпался такой град камней, что испуганные и побитые лошади повернули назад, а пристав, отрезанный выскочившими из засады рабочими, едва спасся в выломанное окно пустой квартиры. Видя это, полицеймейстер спешил конный наряд и очистил таким образом дворы и квартиры, занятые бунтарями. Немного спустя, подошла вызванная ранее рота лейб-гвардии Московского полка, с прибытием которой порядок был окончательно восстановлен, и вся местность оцеплена войсками, причем задержано на месте беспорядка около 200 человек. Засим на всех фабриках были вывешены об'явления градоначальника с предложением приступить к работам 3 мая. Не ставшие на работы 3 мая были задержаны в количестве до 300 человек и высланы на родину.

О беспорядках 2 мая возбуждено судебное производство, но предварительное следствие еще не окончено.

В жандармском взводе получили ушибы камнями: 3 офицера и 23 нижних чина, из коих один — тяжелый.

становлениям состоявшегося 9 марта 1902 г. особого совещания министров, созванного по распоряжению царя от 27 декабря 1901 г., для обсуждения вопросов о полицейском надзоре на фабриках и заводах и об условиях быта рабочих. В деле имеется указание, что этот доклад составлен товарищем министра внутренних дел князем Святополк-Мирским (л. 3).

Обращаясь к изысканию причин, вызвавших описанные беспорядки, нельзя не признать, что главные требования рабочих не имели оснований: расценки на фабрике Чешера и других однородных с нею были понижены вследствие экономических причин еще в 1896 году и с тех пор не изменялись и не вызывали жалоб со стороны рабочих, требование же восьмичасового рабочего дня, как я убедился из расспроса большого количества мастеровых разнообразных типов, для них непонятно.

Из ознакомления с общими условиями работы на этой фабрике нельзя не признать их нормальными и не могущими вызвать какие-либо претензии. Таким образом следует придти к убеждению, что единственная причина беспорядков — подпольная агитация.

Переходя к оценке действий должностных лиц, нельзя не признать, что сведения о настроении рабочих до беспорядков были крайне ограниченны. Трудно предположить, чтобы означенный беспорядок, выразившийся столь определенно и в резкой форме, не был заранее подготовлен, а между тем у полиции не было надлежащих сведений для принятия предупредительных мер. Кроме того казалось бы, что 2 мая уже возможно было с утра озаботиться, чтобы волнения рабочих не возобновлялись. Для сего надлежало лишь обеспечить непокойный фабричный район достаточной полицейской или даже воинской силой.

Беспорядки на Обуховском сталелитейном заводе.

27 апреля сего года по разным мастерским Обуховского завода было разбросано большое количество «Рабочего листка», издаваемого «Комитетом рабочей организации»[1], в котором мастеровые настоятельно приглашались устроить 1 мая демонстрацию.

На другой день рабочие узнали, что по случаю отпуска начальника завода генерал-майора Власьева в исправление его должности вступит помощник его подполковник Иванов. К последнему рабочие уже давно питали неудовольствие за его требовательность, приписывая ему же и уменьшение расценок. В то же время стали распространяться среди мастеровых превратные толки о понижении поштучной платы, о выдаче на руки лишь половины заработка, об отмене обычных наград некоторым служащим к рождеству христову и св. пасхе. Молва приписывала и эти, будто бы, принимаемые меры тому же подполковнику Иванову. Чины местной полиции своевременно извещали заводоуправление о разных неверных толках среди рабочих.

1 мая, до полудня, все рабочие были на местах, а с обеда многие не явились; из числа последних небольшая часть получила увольнительные билеты, остальные же не пришли самовольно. Подполковник Иванов сообщил на словах местному приставу, что неявившихся на послеобеденные работы было 100—150 человек и что слух об окончательном увольнении с завода 800—1 000 рабочих неверен, так как предназначено к расчету всего 19 мастеровых, уже ранее замеченных в дурном поведении.

Из числа последних 10 человек были рассчитаны 3 мая, вследствие чего 70 их товарищей заявили, что «если уволили десять, то и они требуют себе расчета». Приказав заготовить просимый расчет, подполковник Иванов уволил сверх десяти еще 16 человек. Это распоряже-

[1] «Комитет рабочей организации» образовался в 1898 г. как продолжение Петербургской организации «рабочемысленцев» (литературной группы «экономистов», издававшей газету «Рабочая мысль»).

Характеристика «листков» «Комитета рабочей организации» дается в № 3 «Искры» в апреле 1901 г. в статье «Из партии» («Искра», изд. Истпарта ЦК ВКП (б), вып. 1, стр. 69—70).

ние, по мнению компетентных лиц, и послужило ближайшим поводом к забастовке 7 мая, завершившейся последующими печальными событиями.

В этот день, вскоре после полудня, мастеровые обратились к появившемуся на заводе генерал-майору Власьеву с просьбой — не поручать подполковнику Иванову исправление должности начальника завода. Генерал-майор Власьев старался успокоить рабочих и, не дав им определенного ответа, уехал.

Неудовлетворенные ответом генерал-майора Власьева рабочие почти во всех мастерских стали волноваться и около 2 часов дня начали оставлять работу, о чем было сообщено по телефону местному полицеймейстеру полковнику Палибину. В 3 часа мастеровые без ведома администрации силой заставили подать два тревожных свистка, а затем массами двинулись на Шлиссельбургский тракт, причем охранявший калитку сторож был отброшен и ранен одним из рабочих.

Предварительно описания дальнейшего хода беспорядков следует коснуться топографии местности по Шлиссельбургскому тракту. От села Александровского до Обуховского завода, по направлению к С.-Петербургу, с правой стороны улицы расположены жилые строения завода до переулка; далее идут жилые строения рабочих карточной фабрики, за которыми начинаются здания Александровского сталелитейного завода, разделенного проспектом на две половины. Подвоз материалов и угля в обе половины производится вагонами по узкоколейной железной дороге, которая для обеспечения движения по проспекту ограждена двумя шлагбаумами. Левая сторона того же тракта, против Обуховского завода и далее к шлагбаумам, застроена частными домами, в которых живут рабочие Обуховского и Александровского заводов.

На Шлиссельбургском тракте образовалась 4-х тысячная толпа, к которой примкнуло весьма много праздного народа и рабочих соседних фабрик. Заняв дворы и строения по обе стороны тракта и овладев обоими шлагбаумами, рабочие криками и бранью встретили прибывшие наряды конной и пешей полиции и жандармского эскадрона.

Чтобы рассеять буйную толпу, полицеймейстер со взводом жандармов направился к шлагбаумам; но лишь только взвод тронулся от завода, как из-за забора стали осыпать его камнями, а из верхних этажей карточной фабрики было сделано несколько выстрелов. Большинство лошадей закинулось, и команда расстроилась. Затем полковник Палибин два раза пытался проникнуть в ворота жилых домов карточной фабрики, причем был ранен острым камнем в голову и ушиблен в ногу. В наряд было вновь сделано несколько выстрелов, не причинивших, как и первые, никакого вреда.

Видя невозможность прекратить беспорядок силами полиции, полковник Палибин вызвал две роты Омского пехотного полка. Между тем до прибытия войск толпа, ободренная отступлением полиции, стала сама наступать, заметно увеличиваясь и продолжая бросать камни. К этому времени подоспела команда, расположенная на противоположном берегу Невы и состоявшая из матросов, командируемых на завод для ознакомления с изготовленными орудиями; 20 человек этой команды, в виду неспокойного состояния рабочих в столице перед 1 мая, были снабжены ружьями. Полковник Палибин приказал им открыть огонь. На первый и второй залпы, сделанные вверх, толпа ответила криками «ура» и смехом, а после третьего быстро разбежалась. Всего выпущено 71 пуля, причем в толпе убит 1 и ранено 8 человек, из них двое — тяжело. В полицейском наряде получили ушибы околоточный надзиратель и 11 городовых, из коих 7 — более серьезные.

Через полчаса рабочие, несмотря на испытанные потери, снова начали собираться, и даже было брошено в полицейский наряд несколько камней, но к этому времени подошли вызванные роты, и беспорядок прекратился. Арестовано 121 человек из числа обративших на себя внимание полиции... Завод по распоряжению начальства был закрыт.

9 мая генерал-майор Власьев приказал вывесить об'явление, что он вступил в должность и предлагает с 11 мая начать работы. Для переговоров с рабочими о их законных желаниях и причинах беспорядка предложено выбрать по одному уполномоченному из каждой мастерской. К этому об'явлению мастеровые отнеслись иронически, говоря, что власть, нуждаясь в рабочих руках, сама будет в них заискивать.

11 мая работы на заводе возобновились, а уполномоченные представили генерал-майору Власьеву требования рабочих, изложенные в 14-ти пунктах, а именно:

1) удалить подполковника Иванова с завода;
2) просить об освобождении арестованных 7 мая за беспорядки;
3) ввести день 1 мая в табельные дни праздников;
4) установить уполномоченных от мастерских для облегчения передачи начальнику завода личных просьб и жалоб мастеровых;
5) отменить сверхурочные работы ночные и праздничные;
6) учредить восьмичасовой рабочий день;
7) отменить правила, по которым мастеровые, получившие расчет, вновь поступают только лишь через 3 месяца;
8) повысить цеховую плату всем рабочим;
9) не изменять раз назначенную цену поштучной работы до окончания всего подряда; такое распоряжение вывесить на видных местах завода;
10) урегулировать штрафы за опоздание, как это сделано на других заводах;
11) подмастерьям вменить в обязанность обращаться с рабочими не так грубо, как до сего времени;
12) выдавать увольнительные записки безразлично — вперед и за прошлое число;
13) работающим в артелях поштучно рассчитывать пропорционально цеховой плате и
14) об'явить, в каком положении находится штрафной капитал.

Ожидая ответа, рабочие выражали уверенность, что «по примеру студентов, и им должны уступить» [1].

Соглашаясь удовлетворить требование мастеровых относительно учреждения уполномоченных, неизменения расценок до окончания подряда, урегулирования штрафов за опоздание, надзора за обращением подмастерьев, генерал-майор Власьев за разрешением вопросов о восьми-часовом рабочем дне, о праздновании дня 1 мая и об увеличении рабочей платы — обратился по просьбе депутатов к управляющему морским министерством. После этого на заводе было вывешено об'явление, что эти три просьбы вице-адмирал Тыртов передал министру внутренних дел; относительно же просьбы об освобождении арестованных рабочих начальник завода обещал просить с.-петербургского градоначальника.

Предварительное следствие о вооруженном сопротивлении на Обуховском заводе уже закончено, но будет слушаться лишь во второй половине сентября [2].

---

[1] Повидимому, имеется в виду отмена правительством введенных в июле 1899 г. «временных правил» о сдаче студентов в солдаты за «учинение скопом беспорядков».

[2] Дело разбиралось 24—27 сентября 1901 г. в особом присутствии Петер-

Работы на заводе продолжались до 7 июля, когда мастеровые снова забастовали по случаю возвращения подполковника Иванова из командировки; эта забастовка вынудила администрацию завода закрыть его. После увольнения около 150 наиболее беспокойных рабочих и об'явления, что требования мастеровых об увольнении подполковника Иванова не будут исполнены, на заводе 12 июля вновь приступили к работам.

Прискорбные события на Обуховском заводе, помимо многолетней внешней агитации, об'ясняются главным образом отсутствием надзора за рабочими и недостатками внутреннего распорядка в полицейском отношении.

Деятельность наружной полиции ограничивается наблюдением за рабочими лишь вне завода, так как, по настоянию заводоуправления, чинов общей полиции на заводе не имеется. Между тем администрация, повидимому, не имела сведений о том, что происходит на заводе. Так например: чертежники, кладовщики, браковщики и служащие по бухгалтерии, в числе более 300 человек, входят на завод без номеров. При таком порядке на завод являются разные неблагонадежные лица, и сама администрация приписывает беспорядки 7 мая воздействию интеллигентов, успевших проникнуть на завод. Несомненно, таким же путем распространяются среди рабочих и преступные издания, находимые в больших количествах по мастерским. При обнаружении подобных случаев заводоуправление весьма неохотно делилось сведениями с чинами полиции; даже о брожении среди рабочих 7 мая было сообщено местному приставу уже в самый разгар волнения, т. е. в такое время, когда предупредительные меры были уже неприменимы.

На заводе издавна существуют технические вечерние классы для взрослых рабочих, где бесплатно читает лекции, несомненно, неблагонадежная молодежь, в том числе и студенты. Вредное влияние этих классов ныне признает сам генерал-майор Власьев и предполагает осенью их более не разрешать [1].

В течение зимы устраиваются на заводе любительские спектакли, где происходит сближение молодых рабочих с учащимися высших учебных заведений, причем студенты являются иногда переодетыми в костюм рабочих. Вообще не подлежит сомнению, что пропаганда на Обуховском заводе сделала значительные успехи...

Обращаясь к действиям администрации завода во время происходивших в мае месяце волнений и беспорядков, нельзя, к сожалению, не признать, что таковые были несколько слабы. Удовлетворение большей части претензий рабочих и некатегоричный отказ в явно незаконн-

---

бургской судебной палаты с участием сословных представителей при закрытых дверях. Обвинительный акт по делу о «майских беспорядках на Обуховском заводе» был опубликован в № 9 «Искры», октябрь 1901 г. («Искра», изд. ЦК ВКП(б), вып. II, стр. 30—36). Арестованные участники были судимы с исключительной строгостью: из 37 человек оправдано 8, остальные приговорены были к каторге от 4 до 6 лет, к арестантским ротам—от 4 до 5 лет и к тюремному заключению. Несовершеннолетняя Марфа Яковлева приговорена была к 3 годам тюрьмы, а все другие несовершеннолетние—к $1^1/_2$ годам тюрьмы. (Приговор по делу опубликован в сборнике «Обуховская оборона в 1901 г.», состав. П. Ф. Куделли, изд. Ленинградск. истпарта, 1926 г., стр. 44—67. Там же, стр. 71—72, опубликована и листовка по поводу приговора, выпущенная в октябре 1901 г. Петербургским комитетом РСДРП.)

[1] Н. К. Крупская и ряд других членов Петербургского союза борьбы были учителями в технической и воскресной школах для рабочих по Шлиссельбургскому тракту (в Петербурге) в 90-х годах и вели революционную работу среди рабочих.

ных требованиях с об'явлением, что они переданы на рассмотрение совершенно чуждого ведомства, не могли не вызвать в среде рабочих сознания своей силы и пригодности самоуправных протестов.

Что же касается действий полиции, то за неполучением в свое время сведений о происходящем на заводе, она лишена была возможности заблаговременно принять соответствующие меры, для быстрого подавления беспорядка в самом его начале.

Беспорядки на Невском судостроительном заводе.

12 мая, в 11½ часов утра, рабочие пароходо-механической мастерской Невского судостроительного завода самовольно прекратили работы, причем некоторые из них бросились по другим мастерским, принуждая всех бастовать. Большинство мастеровых, опасаясь насилий, но не желая принимать участия в стачке, разошлись по домам.

Названная мастерская и часть примкнувших к ней молодых рабочих из других цехов потребовали сокращения рабочих часов, обращения заводской лавки в общественную на паях, устройства ссудо-сберегательной кассы для рабочих и отмены штрафов за опоздание на десять минут утром и после обеда. Администрация завода тотчас согласилась уменьшить рабочий день на полчаса, ограничив его десятью часами, остальные же требования обещала представить в правление.

На другой день мастеровые своевременно приступили к работе, но, по об'явлении им через выборных о решении заводоуправления, они потребовали убавить работу еще на полчаса, и, когда им было отказано, все ушли с завода. 15 мая снова все явились в мастерские и небольшая часть взялась за работу, но, как и накануне, часть молодежи стала угрожать работавшим, вследствие чего все рабочие вышли из мастерских во двор. Переговоры с прибывшим фабричным инспектором, убеждавшим их приступить к работам, не имели успеха, и мастеровые ушли с завода.

16 мая на заводе было вывешено об'явление градоначальника с требованием приступить к работе 17 мая или получить расчет. Таким образом 17 мая работы на заводе возобновились и продолжались до 6 июня, когда рабочие вновь забастовали, недовольные отказом в их требованиях. Вследствие такого упорства завод был закрыт, и все рабочие рассчитаны. После сего, администрация завода приступила к новому найму рабочих, но уже не принимая мастеровых, замеченных в неодобрительном поведении. 22 июня работы начались лишь в некоторых мастерских, а с 1 июля были в полном ходу.

Невский судостроительный и механический завод до недавнего времени принадлежал разным акционерным компаниям и при постоянной смене администрации был доведен до крайней степени распущенности и своеволия как мастеров, так и рабочих. Такое состояние завода отразилось неблагоприятно на качестве его изделий, и за последнее время администрация установила более строгий контроль над мастерами и рабочими в лице вновь учрежденных должностей корабельных инженеров. Новый порядок вещей не понравился мастеровым, привыкшим работать небрежно, и противоправительственная агитация, конечно, не упустила случая этим воспользоваться, подстрекая рабочих к стачке. Забастовка на заводе не перешла однако же в беспорядок, и рабочие держали себя сравнительно сдержанно; поэтому можно предполагать, что если бы на первое их заявление скопом они получили категорический отказ с указанием на незаконность формы обращения, стачка не имела бы места.

Беспорядки на Александровском механическом заводе Николаевской железной дороги.

17 мая в вагонных мастерских Александровского механического завода Николаевской железной дороги еще с утра замечалось волнение, а после обеденного перерыва на работы явилась только половина мастеровых. Остальные собрались толпой за воротами и пред'явили требования: прекращения личного обыска при выходе из мастерских, окончания работ в кануны праздников часом раньше, увеличения заработной платы и другие, менее значительные.

На другой день стачечники силой принудили большую часть рабочих примкнуть к забастовке, причем достигалось это бросанием камней в окна мастерских, где еще продолжалась работа. Подоспевший наряд полиции разогнал буянов, мастерские же, по распоряжению начальника Николаевской дороги, были закрыты до 23 мая.

21 мая на заводе было вывешено об'явление, что начальник дороги, соглашаясь удовлетворить просьбу мастеровых об отмене обыска и некоторые другие, вопрос о сокращении работ накануне праздников представит на разрешение высшей инстанции.

Такая поспешность в удовлетворении просьб рабочих, заявленных не только скопом, но и сопровождаемых буйством, не может быть оправдана, так как убеждает рабочих в практичности стачек. Если какое-либо требование рабочих, как например, отмена личного обыска по выходе из мастерских,— могло быть так легко удовлетворено, то почему это не было сделано ранее, если осмотр бесцелен для дела и обиден для рабочих.

Беспорядки на Балтийском судостроительном заводе.

28 мая утром рабочие механической мастерской Балтийского судостроительного завода заявили помощнику начальника оного инженеру Павлову, что они недовольны заведывающим мастерской и сверх того требуют общей прибавки заработной платы. В тот же день начальник завода генерал-майор Ратник получил анонимное письмо с жалобой на неравномерную прибавку платы и с просьбой распределить ее на всех. Помимо этого, просили уволить инженера Павлова и несколько других лиц из администрации и установить восьми-часовой рабочий день. Приказав доставить сведения о сделанных прибавках платы за последнее время, генерал-майор Ратник об'явил 29 мая выборным годовым депутатам, что таковая прибавка уже была сделана более, чем половине рабочих, и что увеличить плату всем без исключения он не имеет права.

30 мая до обеда работы на заводе шли своим порядком, но в 3¼ часа пополудни механический цех внезапно забастовал, и мастеровые в количестве около 600 человек собрались во дворе. Часть их направилась по остальным мастерским и, угрожая камнями и ножами, требовала прекращения работ; другая же часть буянов пыталась прорваться к эллингу строившегося броненосца «Император Александр III», но была удержана командой матросов под начальством лейтенанта Реммерта.

Генерал-майор Ратник по желанию рабочих вышел к толпе, спокойно собравшейся во дворе, и предложил выбрать депутатов, которые могли бы определенно высказать ему желание большинства. Однако же, опасаясь обоюдного побоища между рабочими, начальник завода приказал дать свисток к их выходу.

Местной полиции было сообщено о начавшемся беспорядке в 3½ часа, и вскоре прибыл к заводу полицеймейстер подполковник барон Нолькен с 30 городовыми. Наряд этот никаких мер по своей малочисленности не предпринимал, и полицеймейстером вызваны были по телефону отделение конно-полицейской стражи и рота Красноярского пехотного полка.

Между тем бушующие рабочие, выйдя из завода, разбились на три группы и стали ломать заборы и бить стекла на писчебумажной фабрике Паллизена и на заводах Пульмана и проволочно-гвоздильном. В это время прибыли вызванные части, и порядок к 5 часам был восстановлен.

31 мая с 5 часов утра вблизи завода был сосредоточен усиленный наряд пешей и конной полиции с эскадроном жандармского дивизиона. День этот прошел относительно спокойно. Мастеровые собрались на завод, но не работали. К ним вышел генерал-майор Ратник и призвал к себе выборных от цехов.

По пред'явлении выборными требований рабочих генерал-майор Ратник обещал часть претензий удовлетворить, по остальным же, как от него не зависящим,— дать ответ впоследствии...

1 июня были приняты те же полицейские меры охраны, как и накануне.

Рабочие собрались в урочное время на завод и разошлись по своим мастерским, но к работам не приступили. Они заметно волновались и выражали неудовольствие на то, что им не об'явили обещанного решения начальника завода. Немного спустя, они с шумом и свистом вышли во двор, желая говорить с генерал-майором Ратником и требуя освобождения своих товарищей, арестованных в ночь на 31 мая по указанию администрации завода.

Тем временем было написано от имени начальника завода об'явление, которое, как особенно характерное, позволяю себе привести в подлиннике:

«По различным пунктам просьб мастеровых, переданных мне вчера 31 мая их выборными, по которым я словесно давал об'яснения выборным, часть, касающаяся упорядочения расценок, устранения указателей из задельных работ, восстановления хорошего обращения с мастеровыми, переиспытания учеников, срочности до полугода пребывания без права перевода в мастерские, прибавления содержания многим малоплатным мастеровым, оставшимся продолжительное время без прибавок, и устранения некоторых особенно вооруживших своим обращением с мастеровыми лиц от дальнейшего общения с рабочими—мной будет, согласно словесных обещаний, исполнено, в пределах справедливости, а по другим частным жалобам — рассмотрено и по мере основательности налажено. Но на все это требуется некоторое время работы, свободное от отвлечений нынешними волнениями.

По отмене обыска при выходе из завода, я должен войти в более подробное рассмотрение мер к устранению под надзором самих мастеровых злостного выноса заводского имущества.

По остальным вопросам общего характера, как-то: поголовная прибавка жалованья мастеровым и рабочим, введение восьми-часового труда и другим, не подлежащим моему решению, на-днях будет изложено в письменном моем докладе, который будет передан другим высшим властям. Начальник завода К. Ратник. 1 июня 1901 года».

Об'явление это не удовлетворило рабочих, и они продолжали шуметь, снова требуя освобождения арестованных товарищей.

Около 8 часов утра было составлено другое об'явление о том, что ге-

нерал-майор Ратник «вследствие настояния мастеровых» переговорил по телефону с подлежащими лицами об освобождении арестованных, но градоначальник ответил, что они могут быть освобождены только по окончании следствия. Полицеймейстер убедил администрацию в нецелесообразности подобного сообщения, и оно не было вывешено.

Рабочие между тем вновь разошлись по мастерским, производя везде разгром, а в судостроительную мастерскую ворвались рабочие другого цеха и тяжко избили находившихся там мастера и двух указателей.

По мнению генерал-майора Ратника, это последнее буйство приняло большие размеры исключительно по отсутствию на заводе вооруженной силы. С прибытием же двух полурот 14 флотского экипажа рабочие успокоились; тут же было об'явлено о закрытии завода и увольнении всех рабочих, после чего они постепенно разошлись.

После нового найма мастеровых завод возобновил работы 12 июня.

Дело о беспорядках на Балтийском заводе разрешено в административном порядке, причем 21 человек высланы на родину, под гласный надзор полиции, а 340 человекам воспрещено жительство в Петербурге на один год.

Происходившие на Балтийском заводе беспорядки менее всего можно об'яснить неудовлетворительным положением мастеровых. Следовательно и здесь необходимо притти к убеждению, что требования рабочих и беспорядок явились плодом усилий все той же агитации. Это подтверждается и заявлением самого генерал-майора Ратника, да оно ясно вытекает и из характера самых требований, вроде восьми-часового рабочего дня, увольнения нелюбимых должностных лиц и освобождения арестованных товарищей.

Повидимому, агитация прочно утвердилась среди рабочих и этого завода; к сожалению, даже среди служащих есть лица не вполне благонадежные, о коих в настоящее время производится расследование в порядке положения о государственной охране.

Разбирая действия должностных лиц, нельзя не вывести заключения, что генерал-майор Ратник слишком был уверен в своем влиянии на рабочих. Быть может, к этому и были некоторые основания, что и доказывается появлением его среди буйной толпы; но если бы начальник завода менее полагался лично на себя, он, конечно, заранее принял бы надлежащие меры охраны, не дав затянуться беспорядкам на несколько дней.

Кроме того, недостаточная твердость в ответах генерал-майора Ратника рабочим внушила им опасные понятия о их силе: об'явление же мастеровым, что вопрос о восьми-часовом рабочем дне будет передан высшей власти, следует признать уже вполне неуместным.

Что касается действий полиции, то таковой в вину могло бы быть поставлено лишь допущение разгрома близлежащих заводов 30 мая; но это об'ясняется поздним получением сведений от начальства Балтийского завода и недостатком времени для сосредоточения соответственного наряда.

Изложив некоторые частные поводы к беспорядкам на отдельных заводах и фабриках, осмеливаюсь представить вашему императорскому величеству вытекающие из расследования общие причины, могущие оказывать влияние на возбуждение рабочих.

В ряду таких причин важнейшей необходимо признать неустанную работу революционных элементов. Поставив себе конечной целью создать из рабочих организованные массы для борьбы с правительством за осуществление своих идей, агитаторы, к сожалению, значительно

в этом успели. Систематически ведя свою пропаганду, они, как видно из дознаний о государственных преступлениях, образовали среди наших юношей-мастеровых вполне законченный вид[1] революционера-рабочего, правда, далеко не культурный и весьма ничтожный в умственном отношении.

Пользуясь всеми удобными способами для воздействия на рабочую молодежь, революционеры обратили особое внимание на всякого рода просветительные учреждения для рабочих, и при содействии неблагоприятных условий столицы в последние три-четыре года из добродушного русского парня выработался своеобразный тип полуграмотного интеллигента, почитающего своим долгом отрицать религию и семью, пренебрегать законом, не повиноваться власти и глумиться над ней. Такой молодежи, к счастью, имеется на каждом заводе еще немного, но эта ничтожная горсть террористически руководит всей остальной инертной массой вполне легальных рабочих.

Признавая главной причиной беспорядков на заводах в С.-Петербурге противоправительственную агитацию, я не могу не отметить, что в самой жизни рабочих есть немало условий, облегчающих пропагандистам их разрушительную деятельность. Главнейшим из таких условий представляется совершенная необеспеченность мастеровых с наступлением старости или за неспособностью к работе по болезни.

Простой русский человек, за редкими исключениями, не склонен к сбережениям, особенно в виду соблазнов городской обстановки. Поэтому было бы весьма желательно устройство разного типа ссудо-сберегательных касс; последние, конечно, должны быть под строгим контролем правительственной власти. Было бы еще лучше, если бы впоследствии можно было перейти на обще-государственное страхование рабочих при участии работодателей.

Министерство финансов коснулось вопроса обеспечения рабочих и составило проект «кассы вспомоществования рабочим при временной потере трудоспособности вследствие болезни», но дело это нуждается в дальнейшем развитии. Имущего и обеспеченного в будущем мастерового уже труднее подвинуть на какой-нибудь легкомысленный и рискованный шаг.

Из жалоб рабочих на условия их труда обращают на себя внимание отношения к ним нисших служащих заводоуправления. Не говоря о мастерах и их помощниках, всякий старший, поставленный над рабочим, может по своему произволу дать ему невыгодную работу или уменьшить заработок и, наконец, даже вовсе удалить его. Приносить единоличные жалобы рабочие не решаются, будучи не без основания уверены, что даже в случаях удовлетворения вполне справедливых жалоб, они все же в непродолжительном времени будут уволены.

Недостаточный надзор за нисшими служащими как на частных, так и на казенных заводах, служит постоянным источником мелких неудовольствий мастеровых, что также благоприятствует агитации.

Было бы полезно предоставить рабочим право избирать из своей среды постоянных доверенных для переговоров с заводоуправлением или фабричной инспекцией. Просьбы и заявления, облеченые в законную форму, уже не имели бы тогда характера протестов, опасных для спокойствия. Порядок избрания таких доверенных, их права и обязанности должны быть определены подлежащей властью. Мера эта, по

---

[1] Так в подлиннике.

соглашению министерства внутренних дел и финансов, предполагается к осуществлению в ближайшем будущем.

Из бытовых условий жизни рабочих также заслуживают внимания их квартиры. Только помещения в домах, принадлежащих фабрикам и заводам, можно признать отвечающими требованиям гигиены и средствам мастеровых. Большинство же нанимает их у частных домовладельцев за крайне высокую цену, при полном отсутствии самых примитивных удобств, хотя бы для необходимого отдыха. Конечно, квартиры рабочих в С.-Петербурге все-таки лучше помещений большинства крестьян; но последние, оставляя избу, пользуются чистым воздухом деревни, чего столичные рабочие не имеют и в праздники. К тому же потребности рабочего в городе быстро повышаются, особенно в столице.

Устройство квартир при заводах и фабриках весьма желательно; оседлое помещение заставило бы рабочих более дорожить своим положением и в то же время облегчило бы надзор за их настроением и попытками внешних воздействий. К устройству мастеровых помещений стремится большинство заводоуправлений, но осуществление этого требует столь больших затрат, что оно возможно лишь в более или менее отдаленном будущем.

Неудовольствия рабочих, имеющих сравнительно небольшой заработок, иногда вызываются и постоянно возрастающими ценами предметов первой необходимости. Поэтому все мастеровые желают иметь свои заводские лавки, устроенные на началах потребительных обществ. Небольшое число подобных лавок уже существует, но цены их мало разнятся от вольной продажи. Сверх того, было несколько примеров ликвидации таких предприятий по недобросовестности приставленных к ним выборных лиц. Тем не менее, не следовало бы отказывать рабочим в устройстве названных лавок, при неудаче они сами убедятся в неосновательности их желаний.

Немалым пробелом в быту рабочих является, по их мнению, отсутствие низших школ при фабриках и заводах. Вынужденные отдавать своих детей в крайне отдаленные городские школы, они предпочитают их вовсе не учить до 12—14 летнего возраста, и дети, оставаясь без всякого надзора, уже в эти годы приучаются к разгулу и праздной жизни. Министерство финансов проектирует «технические и ремесленные мастерские и курсы», польза которых несомненна, но рабочие нуждаются в начальной школе, где их дети обучались бы только грамоте. Надзор за преподаванием в таких школах должен быть особенно строг, в виду постоянного стремления противоправительственных групп проникнуть в начальную школу.

Почти в той же мере необходимы рабочим и правильно организованные библиотеки. Жажда к чтению развилась у мастерового далеко не пропорционально тому печатному материалу, какой находится ныне в его распоряжении. Это главным образом и об'ясняет чрезвычайный успех нелегальных изданий... При невозможности критики читатели-рабочие принимают на веру всякие измышления подпольных авторов, и в этом заключается весь вред такой литературы. В противовес ей желательна для рабочих правительственная газета, в которой сообщались бы законоположения о фабриках и заводах, усовершенствования по технике различных производств, известия о состоянии промышленного рынка и так далее.

Из расспросов многих рабочих я убедился, что они находятся в совершенном неведении законов, ограждающих их права, и не знают, на-

пример, что взыскиваемые с них штрафы идут на составление капитала для выдачи пособий самим же рабочим.

Разобрав условия быта рабочих, могущие до некоторой степени порождать их неудовольствие, перехожу к тем недочетам в деятельности подлежащих должностных лиц, которые едва ли не более влияют на резкую форму беспорядков.

В этом отношении рельефнее всего представляется ненормальное положение местной власти, по закону ответственной за сохранение порядка и спокойствия в столице. Казалось бы, что власть, отвечающая за всякое нарушение порядка, должна об'единять в себе все условия как для предупреждения беспорядков, так и для борьбы с ними. Между тем чины фабричной инспекции, особенно же администрации казенных заводов, не поставлены по отношению к этой власти в положение, дающее ей возможность в должной степени влиять на их действия по обеспечению мирного течения фабричной жизни.

Что касается фабричной инспекции, то закон вполне точно указывает на подчиненность ее местной административной власти. Статья 48 устава о промышленности гласит, что «надзор за соблюдением на фабриках и заводах должного благоустройства и порядка возлагается на местное губернское начальство и осуществляется им при содействии губернского по фабричным делам присутствия, чинов фабричной инспекции и полиции».

На практике же установились совершенно иные отношения, частью по недостаточной требовательности губернской власти, отчасти же вследствие ошибочного понимания чинами фабричной инспекции, что принадлежность их к ведомству министерства финансов исключает, будто бы, всякую подчиненность губернаторам.

Для устранения этого, казалось бы, целесообразнее направлять все распоряжения министерства финансов, касающиеся взаимоотношений рабочих и фабрикантов к губернатору, который уже от себя принимал бы зависящие меры к их исполнению. Засим такому ненормальному положению способствует еще и совершенное устранение губернаторов от обсуждения вопросов, как например: о числе фабричных инспекторов, месте их пребывания и районе действий.

Еще более в неблагоприятных условиях, в смысле единения, находится высшая на месте правительственная власть с администрацией заводов, принадлежащих казне. Заводы эти сам закон устраняет от надзора губернской власти, возлагая однако же на нее самые существенные обязанности по прекращению всякого рода волнений на таких заводах. Это в интересах порядка не может быть допустимо. Власть, обязанная прекращать беспорядок, должна обладать в полном об'еме и всеми средствами для их предупреждения, а для этого представляется безусловно необходимым: промышленные предприятия всех ведомств подчинить губернаторам, поскольку это касается мер охранения порядка.

Затем самую форму прискорбных событий последнего времени в рабочей среде С.-Петербурга надо отчасти приписать безнаказанности явно противозаконных и буйных действий скопом. Из-за желания в начале беспорядков устранить поводы к ним, часто прибегают к удовлетворению некоторых требований рабочих, что внушает им уверенность в целесообразности такого способа заявлений. Независимо сего, наказуемость означенных преступлений является недостаточно строгой и быстрой. Так, например, только о трех беспорядках на заводах возбуждено судебное преследование, но ни одно из них еще не окончено,

остальные же разрешены в административном порядке высылкой части виновных в места их родины.

Удовлетворение насущных и возможных в пределах закона нужд рабочих до начала волнений и категорический отказ в требованиях, хотя бы и легальных с наступлением беспорядков, при строгой и быстрой репрессии несомненно убедят рабочих в невыгоде всяких своевольных выражений своего недовольства.

Относительно участия полиции в предупреждении и прекращении беспорядков представляется несколько весьма серьезных пробелов. Так, замечается недостаточное знакомство ее с настроением рабочих, благодаря чему она большей частью лишена возможности заблаговременно принять какие бы то ни было предупредительные меры. Затем по недостаточности состава полиции фабричные районы С.-Петербурга охраняются вообще весьма слабо; поэтому громадное большинство вполне благонамеренных рабочих не обеспечены от нападений своих товарищей, стремящихся путем насилий достигнуть нелегальных и неразумных целей. Наиболее чувствуется недостаточный состав полиции при необходимости быстрого подавления беспорядка в самом его зародыше. На обстоятельство это я дерзаю обратить особое внимание вашего величества, так как быстрота в прекращении всякого самоуправства толпы служит вернейшим способом борьбы с ним; между тем средства столичной полиции далеко к сему недостаточны.

Из рассмотрения ведомости о наряде с.-петербургской полиции усматривается, что в случае рабочих беспорядков может быть выслано, не нарушая правильного отправления постовой службы, лишь сто городовых. К этому надо прибавить еще около 150 человек конно-полицейской стражи и жандармский дивизион, также обремененных усиленными нарядами. Безусловно, средства эти весьма ничтожны, если принять во внимание, что лишь на одном Шлиссельбургском тракте сосредоточено свыше ста тысяч рабочих. В виду сего представляется вполне необходимым усилить состав с.-петербугской полиции учреждением полицейских резервов в фабричных районах столицы. Мера эта, конечно, вызовет большой расход, и могла бы быть заменена расположением войсковых частей в наиболее угрожаемых пунктах.

Приведя наиболее веские факторы в беспорядках, я вновь позволяю себе остановиться на главнейшем из них — преступной агитации. Систематическая и энергичная борьба с этим злом является в настоящее время вопросом первостепенной важности. Мерами органов, подведомственных министерству внутренних дел, постоянно ликвидируются активные революционные группы, из коих выбывают более или менее видные деятели, задерживаются массы подпольных изданий, а время от времени — и самые типографии. Но убыль тотчас же пополняется новыми силами, подготовленными к революционному делу в разных тайных «кружках саморазвития», «землячествах», «обществах помощи ссыльным и заключенным» и тому подобных.

Одним из действительнейших средств к распространению противоправительственных идей служат, по словам самих агитаторов, «воскресные школы», школы «Русского технического общества» и другие просветительные учреждения сего рода.

Политически неблагонадежные студенты и курсистки стремятся безвозмездно поступать в названные учреждения в качестве преподавателей, лекторов и библиотекарей. Самые школы находятся иногда под негласным руководством целого кружка неблагонамеренных лиц, члены коего, не принадлежа к официальному персоналу школы, читают лекции по вечерам. Такой порядок дает возможность лицам революци-

онной среды проникать в школы и знакомить слушателей со своими идеями. Более способных учеников они часто приглашают к себе или сами их посещают, успевая таким путем совершенно подчинить их своему влиянию.

Дознания последних годов свидетельствуют, что усилия революционеров не пропали даром, и, благодаря их стараниям, преступные учения пустили в школах для рабочих прочные корни, сделав из них открытые рассадники пропагандистов. Большинство агитаторов-рабочих и главарей разных стачек посещали эти школы, где под руководством так называемых «интеллигентов» усвоили себе противоправительственный образ мыслей, распространяя его потом с возрастающим успехом среди своих товарищей.

Для приведения означенных школ в соответствие их целям необходимо учредить фактический контроль за преподаванием, по возможности усилив религиозно-нравственное воспитание учеников. Преподавателей и других должностных лиц в школы следует выбирать из числа опытных педагогов, вполне благонадежных в политическом отношении, а доступ к преподаванию учащейся молодежи обоего пола совершенно прекратить.

Резюмируя все вышеизложенное, почитаю священным долгом всеподданнейше доложить вашему императорскому величеству, что попытки к беспорядкам на заводах и фабриках С.-Петербурга, несомненно, будут иметь место, так как зло пустило уже достаточно глубокие корни. Но вместе с сим смею высказать уверенность, что если рабочий будет знать о постоянном стремлении удовлетворить справедливые и законные его желания; если, с другой стороны, в нем будет уверенность, что посредством беспорядков он ничего добиться не может, а напротив всякое действие скопом, как противозаконное, будет тотчас подавлено, каких бы жертв это ни стоило; если наготове всегда будет достаточная сила действительно исполнить это в самый кратчайший срок; если высшая местная власть, т. е. градоначальник, будет поставлена в нормальное положение ко всем подлежащим органам заводоуправлений, и если полицейская охрана в столице будет доведена до размеров, вызываемых современными потребностями,— беспорядки примут минимальные размеры, которые не будут служить развращающим примером для массы благонамеренных рабочих.